

доводом в пользу признания за Сумароковым авторства «Хоров». Конечно, нельзя забывать установленного Н. Л. Бродским важного факта — именно, прекрасного владения Сумароковым «народным» языком.¹ Но все это не может служить неоспоримым доказательством принадлежности ему «Хоров».

Иначе, как будто, обстоит дело с гипотезой об авторстве Ф. Г. Волкова. Но надо с полной ясностью указать, что и в этом случае есть ряд пунктов, вызывающих сомнения. Поэтому прежде, чем перейти к перечислению доводов в пользу волковской гипотезы, не лишне рассмотреть возражения против нее. Собственно, это даже не возражения, а скорее замечания ограничительного характера. Важнейшее из них следующее. Волкова автором «Другого хора» называет только одна рукопись, та, которой пользовался анонимный сотрудник «Русского вестника». И вот, в этой рукописи, — если она правильно воспроизведена в печати, — есть несколько неясностей. Так, в заглавии сказано «Хор ко превратному свету, петый на большом маскараде, на маслянице 1763 года, и сочиненный г-м директором Ф. Г. Волковым» (цит. соч., стр. 25). Из контекста заглавия получается впечатление, что хор был исполнен во время маскарада. Между тем, по тексту «Торжествующей Минервы» видно, что «Другой хор» не был исполнен, так как в первом «Хоре ко превратному свету» есть знаменательная фраза, которая показывает, что сатирическому размаху автора или авторов были поставлены точно очерченные пределы. Вот текст первого «Хора ко превратному свету»:

Приплыла к нам на берег собака
 Из-за полночнова моря
 Из за холодна океяна,
 Прилетел отголь и соловейка.
 Спрашивали гостью приезжу:
 За морем какие обряды
 Гостью приезжа отвечала:
 Многое хулы там достойно,
 Я бы рассказать то умела,
 Естьли бы сатиры петъ я смела.
 А теперь я пети не желаю,
 Только на пороки я полаю:

¹ История стиля русской комедии XVIII века. Искусство, 1923, № 1, стр. 172—184.